

*Вершинин А.А.**

Русский союз глазами политических элит и общественного мнения Франции: между большой стратегией и идеологией (1891–1917 гг.)

Аннотация: В центре внимания докладчика находится проблема восприятия франко-русского союза конца XIX – начала XX вв. общественным мнением и политическим классом Третьей республики. В отличие от России, где к концу XIX в. франкофильские настроения вполне укоренились, а опасность со стороны Германской империи стала очевидной, во Франции взгляды на союз с монархией Романовых отличались сложностью и противоречивостью. Логика большой стратегии, подталкивавшая Париж к более тесному взаимодействию с Петербургом на международной арене, пробивала себе дорогу через недоверие и сомнения, царившие во французском обществе. Именно этот дуализм являлся основной особенностью сформировавшегося во Франции общественно-политического дискурса о русском союзе. Он не был преодолен вплоть до начала Первой мировой войны, а накануне революционных событий 1917 г. в России сыграл ключевую роль в выборе французскими политическими кругами той линии поведения, которая фактически встраивалась в курс на делегитимацию монархии Романовых.

Ключевые слова: русско-французский союз, Николай II, революция 1917 г., Первая мировая война

УДК 94(44).082

Abstract: The author's attention is focused on the problem of perception of the Franco-Russian alliance of the late XIX - early XX centuries by the public opinion and the political class of the Third Republic. Whereas in Russia the Francophile moods had been quite ingrained by the end of the XIX century and the danger from the German empire had become obvious, in France the views on an alliance with the Romanov monarchy were complicated and contradictory. The logic of the grand strategy, pushing Paris to closer interaction with St. Petersburg on the international arena, was making its way through distrust and doubts reigning in the French society and political circles. It was this dualism that was the main feature of the socio-political discourse about the Russian alliance which existed in France. It was not overcome until the outbreak of the First World War, and on the eve of the revolutionary events of 1917 in Russia played a key role in the choice of the line of behavior taken by the French political circles that actually contributed to delegitimation of the Romanov monarchy.

Key words: Russian-French alliance, Nicolas II, Revolution of 1917, First World War

* *Вершинин Александр Александрович* – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России XX-XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: averchinine@gmail.com)

Союз между Россией и Францией исторически почти всегда имел два измерения¹. Одно из них – стратегическое. Две страны являлись антагонистами в международных делах на протяжении, по крайней мере, полутора столетий. Короткие периоды благожелательного нейтралитета или сотрудничества сменялись противостоянием, ставкой в котором, как правило, являлось доминирование в центральной Европе. Сначала слабеющая Польша, а затем раздробленная Германия представляли собой поле конкуренции Петербурга и Парижа. В начале XIX в. дело дошло до прямого столкновения в ходе Наполеоновских войн. Россия тогда выступила в качестве гаранта стратегической стабильности на континенте, главного противовеса французскому экспансионизму². Эту роль она играла вплоть до середины столетия. Крымская война привела к тому, что чаша весов склонилась в пользу Франции, которая на короткий срок вернула себе положение вершительницы судеб Европы.

При этом русско-французские отношения достаточно рано стали окрашиваться в цвета идеологии. Ключевой вехой здесь стала победа России над Наполеоном, которая окончательно сделала ее частью большой европейской политики. Образ азиатского деспотизма как угрозы европейской свободе завоевал популярность у значительной части французских интеллектуалов. Инициативу здесь взял на себя сам Наполеон, который представлял свою борьбу против Российской империи как схватку между европейским республиканизмом и восточным авторитаризмом. Для Франции начала XIX в., в которой не утихала идейная борьба, вызванная революционным взрывом, Россия быстро стала значимым иным. «Одной из главных причин, по которым споры о России были столь оживленными, - отмечает И. Нойманн, - было то, что представители трех основных европейских политических ориентаций активно черпали из представлений о России материал для представлений о самих себе»³.

Отношение к России, таким образом, часто коррелировало с внутривнутриполитическими раскладами внутри Франции. Среди интеллектуалов, политиков и у широкой общественности сформировался достаточно противоречивый образ России, ее политической системы и культуры. С точки зрения условных консерваторов она являлась последним бастионом порядка в Европе, не затронутым революцией, и хранительницей традиционных ценностей. Позиция части либералов и левых была более критичной. По тем же причинам, по которым консерваторы симпатизировали России, они относились к ней скептически и даже негативно. Оплот реакции, реликт прошлого, тюрьма народов – это лишь некоторые из эпитетов, которыми французские левые характеризовали царскую империю.

Дискурс о русском союзе, сформировавшийся во Франции в конце XIX в., неизбежно рассматривался через призму двух этих подходов. На протяжении 25 лет они находились в сложном взаимодействии, однако в конечном итоге возобладал второй. Чтобы понять, почему все сложилось

¹ Статья подготовлена в рамках деятельности Выдающейся научной школы МГУ имени М.В.Ломоносова «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

² Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807-1814. М., 2012.

³ Нойманн И. Использование «Другого». М., 2004, с. 132.

именно так, почему русский союз в глазах французской общественности и значительной части политикума практически обесценился в то самое время, когда его сохранение и укрепление в условиях Первой мировой войны превратилось в острую стратегическую необходимость, следует обратиться к истокам франко-русской Антанты и посмотреть, как дискурс о ней во Франции менялся вместе с политической конъюнктурой в обеих странах и настроениями общественного мнения.

Сама идея союза с Россией, исторически почти всегда противостоявшей Франции в большой европейской политике, возникла в Париже в атмосфере шока от поражения в войне против Германии и постоянного страха его повторения. Первоначально этот страх был настолько самодавяющим, что умеренные республиканцы, пришедшие к власти в Третьей республике опасались даже говорить на официальном уровне о возможном сближении с Петербургом, чтобы не спровоцировать Берлин. Президент Ж. Гриви даже утверждал, что связываться с русскими опасно: «Они покинут [нас] в самый ответственный момент»⁴. Свою роль играл и тот факт, что тема русского союза почти сразу стала сюжетом бурной внутриполитической жизни Франции. 1887 г. стал одновременно временем резкого обострения франко-германских отношений и периодом быстрого роста антиреспубликанского популизма, в том числе под лозунгами внешнеполитического реванша. Возможный союз с Россией явно интересовал военного министра генерала Ж. Буланже, одновременно возглавившего массовое движение против Республики, якобы, предававшей национальные интересы страны.

Двойственный взгляд на русский союз с точки зрения внешнеполитического интереса и внутриполитической конъюнктуры, таким образом, возник практически сразу. Из Петербурга исходили сигналы, говорившие о возможности сближения, однако внутрифранцузский консенсус по этому вопросу складывался постепенно. Подавление буланжистского выступления, консолидация республиканских институтов и закрепление у власти умеренных республиканцев в купе с изживанием страха перед германским соседом создавали возможности для открытого курса навстречу России. В 1891 г. французская эскадра посетила Кронштадт, два года спустя русские корабли нанесли ответный визит в Тулон. Министр внутренних дел А. Рибо активно работал с общественным мнением. Правительственным лейтмотивом была идея гражданского примирения перед лицом союзника.

Газета «Голуа», сообщая о начале подписки на акции русского займа, писала: «Для наших гостей не важно, кто из нас республиканец, кто консерватор, кто победитель, а кто побежденный. Мы для них только французы, а значит надо забыть, хотя бы на время, о взаимных претензиях ради

⁴ Манфред А.З. Образование русско-французского союза. М., 1975, с. 238.

друзей, которые к нам приезжают»⁵. Действительно, 1893 г. стал, видимо, апофеозом популярности русского союза во французском общественном мнении. Пресса была практически единодушна. Прибытие русской делегации, посетившей Лион, Марсель и Париж, сопровождалось массовым ликованием. Всеобщий энтузиазм захватил даже радикала Ж. Клемансо, который впоследствии перейдет на критические позиции в отношении России. Картину всеобщего ликования омрачала лишь позиция нескольких изданий социалистической ориентации. Впервые оказавшиеся в парламенте депутаты-социалисты во главе с Ж. Жоресом достаточно четко формулировали свою критическую позицию в отношении русского союза. Чуть позже сам Жорес напишет об этом так: «Франция больше не принадлежит сама себе, ибо иностранец, чем дальше, тем сильнее влияет на наши правительства, вовлекая их в реакционный заговор»⁶.

Социалисты указывали не просто на тот факт, что Франция вступает в союз с государством, чья политическая система несовместима с ценностным катехизисом, положенным в основание Третьей республики. Они считали, что Франция становится младшим партнером союзника, который априори стоит на более низкой стадии государственного развития и чьи национальные интересы, в силу этого, противоречат французским. В насквозь идеологизированном мировоззрении Жореса эта проблема сопрягалась с темой практической реализации социалистического идеала («Только социальная революция позволит Франции быть ни английской, ни прусской, ни русской, а французской и служить идеалу гуманизма»⁷). Однако показательно, что похожие вещи озвучивал политик, находившийся на противоположном фланге политического спектра.

Ш. Моррас, лидер ультраправой «Аксьон франсэз» писал: «[Республиканское правительство] обречено играть постыдную роль вассала царя. Его полная политическая недееспособность поставила старшую дочь цивилизации под покровительство полукультурной империи, раздираемой внутренними этническими и религиозными противоречиями... Россия направляет нас подобно тому, как толпу взрослых людей ведет за собой ребенок»⁸.

Если Буланже атаковал режим за его нежелание форсировать союз с Россией в преддверии реванша за поражение 1870 г., то левые и правые оппоненты умеренных республиканцев обличали его за чрезмерное сближение с идейно чуждым правительством. Если в первом случае речь шла, все-таки, о борьбе за власть, то вторая позиция была полностью идеологизированной. Она оставалась маргинальной, пока у власти во Франции находились умеренные политики, пренебрегавшие идеологией ради достижения внутривнутриполитического мира и консолидации республики. Удар по ним являлся и

⁵ Цит по: дю Рео Э. Французское общественное мнение о франко-русском сближении (1893-1897) // Россия и Франция XVIII-XX века. М., 1998, с. 115.

⁶ La Petite République, 1897, 24 juil.

⁷ La Petite République, 1897, 21 août.

⁸ Maurras C. Kiel et Tanger, 1895–1905. La République française devant l'Europe. Paris, 1921, p. 22.

ударом по франко-русскому союзу, который в таком случае терял легитимность в глазах общественного мнения и сохранял лишь одну опору – страх перед внешним врагом в лице Германии.

Именно это и произошло на рубеже XIX-XX вв. Уже визит Николая II во Францию в октябре 1896 г. проходит в иной атмосфере, чем посещение страны русскими моряками тремя годами ранее. Энтузиазм еще сохраняется, но все громче звучат и негативный мнения. Клемансо пока настроен в целом пророссийски. «Франция радостно встречает в лице Николая II первого друга, обретенного ею в несчастье», - пишет он. Однако левые в своей критике союза все активнее. Жорес с трибуны парламента требует полной информации о сути заключенных с Россией договоренностей. Парижские социалисты призывают сограждан не участвовать в торжествах в честь царя-самодержца, не помогать правительству «разбазаривать» средства на то, что противоречит подлинным республиканским принципам. Официозная «Тан» упрекала правительство в стремлении превратить Париж к визиту царя в потемкинскую деревню⁹. «Эко де Пари» озвучивает идеи, под которыми мог бы подписаться и Моррас: «Россия – держава европейская и азиатская... сохранит ли она свое чрезвычайно сложное единство на вечные времена... Ее тесное соприкосновение во времени и в пространстве с западной цивилизацией обеспечивали главным образом мы – Франция, Париж... Что нужно России, так это раскрепощение духа»¹⁰.

Событием, обозначившим окончательный крен французского общественного мнения и политического класса в сторону идеологизированной трактовки русского союза, стало дело Дрейфуса. Оно смело с политической сцены идеологически нейтральных умеренных республиканцев и привело к власти силы, смотревшие на русскую монархию под вполне конкретным углом зрения. В контексте их программы, нацеленной на полную ликвидацию остатков консерватизма во внутривнутриполитической жизни, зачистку старых элит, антиклерикализм, Россия с ее политической системой выглядела как оплот реакции¹¹. «Республика радикалов», установившаяся после дела Дрейфуса, гораздо более прохладно относится к русскому союзу. Взятая на себя политическая ответственность за внешнюю политику страны и за ее безопасность удерживали радикалов от пересмотра союза, однако в целом они были настроены критически, чему способствовало и поражение России в русско-японской войне.

Характерно изменение позиции Клемансо. Еще в 1896 г. он смотрит на Россию, прежде всего, как на союзника, и его идеологические предпочтения не играли при этом определяющей роли. В 1901 г. во время второго визита Николая II в Париж тональность его выступлений меняется. В статье с характерным названием «Националисты и Союз» он обвиняет консерваторов и клерикалов в стремлении сделать из Николая II инструмент монархической реставрации во Франции. После революции 1905 г. Клемансо окончательно переходит на новые позиции. По его мнению,

⁹ дю Рео Э. Французское общественное мнение о франко-русском сближении, с. 115-116.

¹⁰ Echo de Paris, 1896, 11 oct.

¹¹ Berstein S. Naissance des partis politiques modernes // Berstein S., Winock M. (dir.) L'Invention de la démocratie. 1789-1914. Paris, 2008.

Французская республика «могла заключить союз с русской абсолютной монархией, поскольку этого требовали ее интересы. Но это ни в коем случае не требовало от нее самоотрицания и оправдания царских репрессий. В равной степени, это не предполагало необходимости закрывать глаза на более чем сомнительные перспективы царизма... Ее долгом было помочь России эволюционировать к представительной политической системе»¹².

В разгар революционных событий 1917 г. в России Клемансо прямо написал: «[При заключении союза между Францией и Россией] Русская революция являлась неопределенной перспективой, и мы вынуждены были довольствоваться Николаем II. Я об этом сильно сожалел... и открыто говорил о том, что доверяю высокому благородству славянского духа, который, как я ожидал, скоро освободится»¹³. После дела Дрейфуса Русская революция 1905 г. лишь усилит позиции тех политических сил во Франции, которые считали самодержавие сомнительным партнером. Сам Клемансо, в 1906-1909 гг. впервые занимавший пост премьер-министра, не ставя под сомнение сам союз, никогда не выражал публичных симпатий России и ее руководству. Более того, именно при нем французский МВД начал препятствовать царской полиции в преследовании русских политических эмигрантов в Париже.

1905-1907 гг. стали, таким образом, периодом серьезных испытаний для франко-русского союза. Симпатии к России во Франции серьезно ослабли – от бывшего энтузиазма осталось немного. Тем не менее, союз продолжал оставаться осью французской внешней политики. На волне поднимающегося национализма в преддверии мировой войны радикалы были вынуждены делить власть с центристами и правыми. Знаковой фигурой среди них являлся Раймон Пуанкаре. Он и другие политики-прагматики (Александр Рибо, Аристид Бриан, Теофиль Делькасе, Гастон Думерг) в гораздо меньшей степени, чем левые, руководствовались отвлеченными от практики доктринальными установками.

Тем не менее, франко-русский союз не выдержал испытания Первой мировой войной. Моральное поражение он потерпел задолго до того, как большевики вывели Россию из войны¹⁴. Уже в 1915 г. во французской прессе стала наблюдаться тенденция увязывать неудачи русской армии на фронте с порочностью политического строя Российской империи. Дальше она лишь усиливалась. Очевидно, речь шла о прямом заимствовании риторики русской либеральной оппозиции и Прогрессивного блока. Тон задавали французские дипломаты в Петрограде и сам посол М. Палеолог. С начала 1916 г. он все более активно включался в русскую внутривнутриполитическую игру на стороне либеральной оппозиции. Массы русского населения, по его мнению, были готовы продолжать войну. На этой же позиции стояли думские круги, готовые добиваться победы на фронте через демократизацию политического режима.

¹² Berelowitch W. La révolution de 1905 dans l'opinion républicaine française - Cahiers du monde russe, v. 48, № 2-3, avr.-sept. 2007, p. 382 - 383.

¹³ L'Homme enchaîné. 1917. 25 mai.

¹⁴ См. подробнее: Вершинин А.А. революция 1917 г. глазами французских политиков – Новая и новейшая история, 1917, №5, с. 126-148.

Главная угроза же состояла в существовании окружавших престол «темных сил», желавших сепаратного мира. «Темные силы» настроены одновременно и реакционно, и пораженчески. «Наши переговоры, - телеграфировал Палеолог в Париж в июле 1916 г., - отныне не останутся тайной для некоторых германофильски настроенных лиц, которые, поддерживая косвенные связи с немецкой аристократией и финансовыми кругами и питая отвращение к либерализму и к демократии, являются полными сторонниками примирения с Германией»¹⁵.

Осенью 1916 г. посол считал ситуацию в России настолько тяжелой, что шел на открытое вмешательство во внутреннюю политику. В октябре через министра путей сообщения А.Ф. Трепова он обратился непосредственно к Николаю II с предложением отправить в отставку министров, подозревавшихся в симпатиях к «германской партии»¹⁶. Эта точка зрения объединяла к началу 1917 г. практически весь французский политикум, от радикала Клемансо до правоцентриста Пуанкаре. Выступая против курса царского правительства, французы считали, что спасают союз. В действительности все было наоборот: приближая революцию, они приближали его конец. Свержение монархии ошеломило Париж. Взорам французов предстало покосившееся здание русской государственности, до сих пор скрытое иллюзией всевластия императора.

Уже 20 марта Палеолог не сомневался в том, что революция станет сокрушительным ударом по способности России вести войну. Опубликованный в этот день манифест Временного правительства говорил сам за себя. 23 марта он направил премьер-министру Рибо депешу, в которой достаточно точно предсказал, по какому сценарию будут развиваться события в России. «События, при которых мы присутствуем, по-моему, являются лишь прелюдией, - писал Палеолог, - силы, призванные играть решительную роль в конечном результате Революции, еще даже не пришли в действие... Вопросы экономические, социальные, религиозные не замедлят возникнуть... Мы не должны желать, чтобы [их] решение было близко, потому что оно не пройдет без глубоких потрясений. Итак, нам приходится ждать того, что в течение довольно долгого периода усилие России будет ослаблено или ничтожно»¹⁷. Пуанкаре писал в дневнике: «Если революция разразится, то мы столкнемся с неизвестностью. Мы потеряем союзника в лице Николая II, который, по крайней мере, верен нам, и мы не знаем, кто придет ему на смену»¹⁸.

Разочарование в военных усилиях русской армии в Первой мировой войне упало во Франции на подготовленную почву критики русского союза как альянса с отсталой автократией, не способной организовать нацию и повести ее вперед. Эту мысль в 1917 г. прямо озвучил министр вооружений Франции А. Тома: «Окончились внутренние мучения французских республиканцев. Русский союз позволил Франции дышать; она вышла из изоляции, но тот факт, что она стала союзником автократии,

¹⁵ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991, с. 337-338.

¹⁶ Там же, с. 376.

¹⁷ Там же, с. 489-490.

¹⁸ Poincaré R. Au service de la France. T.IX. L'Année trouble. Paris, 1932, p. 68.

причинял ей страдания»¹⁹. К моменту революции взгляд на русский союз через призму идеологии вытеснил соображения большой стратегии. Под его влиянием оказались даже политики-прагматики, такие, как Пуанкаре. Общественное мнение же шло за людьми вроде Клемансо. После прихода к власти большевиков Россия как символически значимый образ для Франции исчезнет, однако уже через несколько лет чернеется в виде злого большевика с ножом в зубах. А спустя еще 10 лет проблема русского союза вновь будет разделять французское общество, которое, как и в 1917 г. в итоге ошибется с выбором.

Библиография:

- Вершинин А.А. Революция 1917 г. глазами французских политиков // Новая и новейшая история, 1917, №5.
 Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807-1814. М., 2012.
 Манфред А.З. Образование русско-французского союза. М., 1975.
 Нойманн И. Использование «Другого». М., 2004.
 Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.
 Рео Э. дю. Французское общественное мнение о франко-русском сближении (1893-1897) // Россия и Франция XVIII-XX века. М., 1998.
 Berelowitch W. La révolution de 1905 dans l'opinion républicaine française // Cahiers du monde russe, v. 48, № 2-3, avr.-sept. 2007.
 Berstein S. Naissance des partis politiques modernes // Berstein S., Winock M. (dir.) L'Invention de la démocratie. 1789-1914. Paris, 2008.
 Journal de Russie d'Albert Thomas // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 14, № 1-2, janv.-juin, 1973.
 Maurras C. Kiel et Tanger, 1895–1905. La République française devant l'Europe. Paris, 1921.
 Poincaré R. Au service de la France. T.IX. L'Année trouble. Paris, 1932.

Bibliography:

- Berelowitch W. La révolution de 1905 dans l'opinion républicaine française // Cahiers du monde russe, v. 48, № 2-3, avr.-sept. 2007.
 Berstein S. Naissance des partis politiques modernes // Berstein S., Winock M. (dir.) L'Invention de la démocratie. 1789-1914. Paris, 2008.
 Journal de Russie d'Albert Thomas // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 14, № 1-2, janv.-juin, 1973.
 Lieven D. Rossiya protiv Napoleona: bor'ba za Yevropu, 1807-1814. M., 2012.
 Manfred A.Z. Obrazovaniye russko-frantsuzskogo soyuza. M., 1975.
 Maurras C. Kiel et Tanger, 1895–1905. La République française devant l'Europe. Paris, 1921.
 Noymann I. Ispol'zovaniye «Drugogo». M., 2004.
 Paleolog M. Tsarskaya Rossiya vo vremya mirovoy voyny. M., 1991.
 Poincaré R. Au service de la France. T.IX. L'Année trouble. Paris, 1932.
 Réau E. du. Frantsuzskoye obshchestvennoye mneniye o franko-russkom sblizhenii (1893-1897) // Rossiya i Frantsiya XVIII-XX veka. M., 1998.
 Vershinin A.A. Revolyutsiya 1917 g. glazami frantsuzskikh politikov // Novaya i noveyshaya istoriya, 1917, №5.

¹⁹ Journal de Russie d'Albert Thomas - Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 14, № 1-2, janv.-juin 1973, p. 96.